

универсалий. Она, как известно, характерна для всех развивающихся наук. Новое здесь заключается в том, что автор, как кажется, впервые в этом смысле связывает принцип «укрупнения» и принцип «структурной иерархии», показывая, что второй неизбежно объединяется с первым, ибо «категориям большей обобщенности и большей „глубины“ соответствует дистрибуция на больших линейных отрезках» (с. 28).

Строго последовательно за понятием «укрупнение грамматики» Ю. С. Степанов вводит понятие «укрупнение лексикологии» в pendant к «укрупнению грамматики». Приходится удивляться, как удачно подмечена эта всеобщая тенденция к «укрупнению». Действительно, в последние годы бурно развивается лексикология словосочетаний, фразеология. Однако автор допустил здесь некоторую непоследовательность. Он ничего не сказал об «укрупнении синтаксиса», а между тем здесь много работ о «сверхфразовых единствах». Особенно знаменательно творчество Б. М. Гаспарова. В его трехтомной докторской диссертации — ряд новых идей и итог труда разных авторов в этой области.

Далее в работе следует раздел «Исторический принцип в современной лингвистике». Фактически здесь речь идет о различного рода реконструкциях при помощи логического моделирования. В некоторых случаях автор, как кажется, проявляет непоследовательность. Так, на с. 71 в связи с восстановлением подсистемы индоевропейских гуттуральных он пишет: «В данном случае такой анализ (логический анализ с помощью матриц. — В. М.) не дает нового знания об индоевропейских фонемах, но он дает представление о логическом устройстве лингвистических гипотез о них». А ниже на с. 72 мы читаем: «Это представление (полученное с помощью того же анализа. — В. М.) о индоевропейских гуттуральных фонемах с большей степенью уверенности можно отвергнуть». Значит все-таки получено «новое знание» о гуттуральных. Вообще же понятие о «новом знании» кажется достаточно неясным. Конечно же, логические операции не дают в каком-то смысле «нового знания», но они, что не менее важно, превращают неочевидные тавтологии в очевидные, поэтому их эвристическая мощь огромна.

Чрезвычайно важным положением в работе Ю. С. Степанова следует считать то, что так четко сформулировано на с. 103: «...от глубинных структур мы приходим к положению о том, что порядок процессов (или „порядок правил“) во времени может быть понято только при одновременном рассмотрении их в пространстве». Это единство пространственно-временного подхода, как отмечает сам автор, нигде в явном виде не формулируется, хотя успехи новейшей лингвогеографии дают все основания для нового синтеза. Здесь, однако, видимо, недооценивается последовательность ставшего уже традицион-

ным разграничения «эволюционного» и «конструктивного» аспектов структурного языкознания. Те, кто ограничивает свою исследовательскую деятельность рамками «эволюционного» аспекта, силой вещей должны прийти к единству пространственно-временного подхода. Те же, кто ограничивается «конструктивным» аспектом, никогда не будут чувствовать этой необходимости, хотя они могут оперировать категориями языкового времени или пространства.

В параграфе, названном «Метод моделей в исторических реконструкциях», Ю. С. Степанов рассматривает модель первого передвижения согласных в прагерманском Прокоша, ее недостатки и возможные модификации такой модели. При этом он демонстрирует эвристические результаты, которые можно получить при помощи такого рода моделей. Прежде всего хочется отметить, что следующий вывод, высказанный также Э. А. Макаевым, на которого ссылается автор, может получить хорошую интерпретацию в компаративистике: «...три класса фонем на всех этапах передвижения остаются тождественными себе как классы и дистанция между ними, в общем, сохраняется» (с. 110). В этом смысле прагерманский в период после передвижения согласных сохраняет в фонологическом отношении большую архаичность, чем многие другие индоевропейские языки. Далее чрезвычайно интересным является совпадение «логики модели» и реконструкции Фурке (с. 113). Идея Фурке, таким образом, «исчисляется» на основе некоторых гораздо более абстрактных положений. Следовательно, здесь также работает принцип превращения имплицитных тавтологий в эксплицитные как принцип эвристический. Аналогии со схемой листорасположения в ботанике, пожалуй, излишни, во всяком случае в той мере, в какой излишними представляются сравнения правила Сводеша с формулой периода полураспада радия. Остается неинтерпретируемым высказывание о том, «что германское передвижение согласных подчинено также и эстетическому принципу наилучшего соотношения» (с. 115). Ведь речь должна идти об универсальности математико-логических моделей, совершенно безразличных к своему «реальному наполнению».

Недискретность основной модели Ю. С. Степанова представляется чрезвычайно важным свойством моделей этого типа и, прежде всего, с точки зрения эвристической эффективности. Автор демонстрирует это весьма убедительно. «Логика этой модели настоятельно наводит на мысль (в разной форме уже высказывавшуюся в германистике), что „придыхание, или придыхательность“ на разных этапах передвижения реализуется в совершенно различных локальных рядах...» (с. 117). Этот вывод имеет значение, далеко выходящее за пределы германистики, и позволяет толковать придыхание как полярные случаи макси-